

ЦКАЯ КНИГА

НИГА • РЕДКАЯ

КАЯ КНИГА

РЕДКАЯ КНИ

КНИГА • РЕДК

РЕДКАЯ КН

МАРИЯ БОЧКАРЕВА

ЯШКА

Русская крестьянка Мария Леонтьевна Бочкарева по высочайшему разрешению царя Николая II становится солдатом Яшкой, а затем офицером русской армии в звании поручика. За отвагу и боевые подвиги на фронтах Первой мировой войны М.Л. Бочкарева получила от верховного командования высокие боевые награды: полный бант георгиевских крестов, несколько медалей и именное оружие — револьвер и саблю с золотым эфесом.

YASHKA

MY LIFE AS PEASANT, OFFICER
AND EXILE

BY

MARIA BOTCHKAREVA

COMMANDER OF THE RUSSIAN
WOMEN'S BATTALION OF DEATH

AS SET DOWN BY

ISAAC DON LEVINE

Author of "The Russian Revolution"

NEW YORK
FREDERICK A. STOKES
PUBLISHERS

МАРИЯ БОЧКАРЕВА

ЯШКА

МОЯ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНКИ,
ОФИЦЕРА
И ИЗГНАННИЦЫ

В записи
Исаака Дон Левина

К 1497264

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2001

ВОЛОГДСКАЯ
ОБЛАСТЬ
г. Иг. К. В. 1999

ББК 63.3(2)¹~~524~~
Б86

63.3(2)534-68

Бочкарева Мария

Б86 Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи Исаака Дон Левина. — М.: Воениздат, 2001. — 445 с., илл. — (Редкая книга).

ISBN 5—203—01909—6.

Воспоминания Георгиевского кавалера Марии Бочкаревой, командира женского Батальона смерти, знакомят с ее удивительной жизнью, яркой и трагической судьбой, открывают еще одну малоизвестную страницу в отечественной истории.

В своих мемуарах «русская Жанна д'Арк» увлекательно рассказывает о своих встречах с М. Родзянко, А. Брусиловым, А. Керенским, Л. Корниловым, В. Лениным, Л. Троцким и другими политиками и военачальниками, сообщает неизвестные факты и интересные подробности событий переломного периода в истории России, участницей и очевидцем которых она была.

ISBN 5—203—01909—6

ББК 63.3(2)524

© Перевод на русский язык, Неподаев Ю.А., 2001

© Предисловие, послесловие, Дроков С.В., 2001

© Редактирование текста, подбор иллюстраций,

Шишкова Н.В., 2001

© Оформление, Воениздат, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
Введение	33
Часть первая	
Юность	39
Глава первая	
С малых лет в труде	39
Глава вторая	
Замужем в пятнадцать лет	51
Глава третья	
Мгновения счастья	64
Глава четвертая	
В сетях губернатора-распутника	85
Глава пятая	
Побег из ссылки и от Яши	100
Часть вторая	
Война	113
Глава шестая	
Солдат высочайшей милостью	113
Глава седьмая	
На ничейной земле	131
Глава восьмая	
Ранена и парализована	151
Глава девятая	
Восемь часов в руках германцев	174

Часть третья	
Революция	191
Глава десятая	
Революция на фронте	191
Глава одиннадцатая	
Я формирую Батальон смерти	208
Глава двенадцатая	
Борьба против комитетов	227
Глава тринадцатая	
Батальон на фронте	241
Глава четырнадцатая	
С поручением от Керенского к Корнилову	269
Глава пятнадцатая	
Армия превращается в неуправляемый сброд	294
Часть четвертая	
Террор	317
Глава шестнадцатая	
Большевики у власти	317
Глава семнадцатая	
Встреча с Лениным и Троцким	331
Глава восемнадцатая	
В большевистской западне	352
Глава девятнадцатая	
Чудом спасенная	372
Глава двадцатая	
С обращением от народа	389
Послесловие	421
Протоколы допросов М.Л. Бочкаревой и другие следственные материалы	424

Помните в фильме С.М. Эйзенштейна «Октябрь» эпизод: шеренгу одетых в шинели женщин на охране Зимнего дворца? Кинематографический образ был настолько ярок, что у многих людей сложилось устойчивое представление: женский Батальон смерти в октябре 1917 года встал на защиту Временного правительства.

Согласно справочникам, изданным в СССР, инициатива в создании женского Батальона смерти принадлежала «реакционному командованию» русской армии, которое путем формирования женских воинских частей пыталось устыдить отказывавшихся воевать и дезертировавших с фронта солдат, укрепить боевой дух армии.

Рассказ о первом бое женского батальона в июле 1917 года, случайно обнаруженный в дореволюционном петроградском журнале «Искры», заставил задуматься. О каком батальоне идет речь и кто такая Мария Бочкарева? В том же журнале увидел ее фотографию: прямой взгляд, уверенная осанка, крепкая фигура выдавали чувство собственного достоинства и недюжинную волю. Вспомнилась строчка из поэмы В. Маяковского «Хорошо»:

Серчают стоящие павловцы.

В политику...

начали...

баловаться...

Куда

против нас

неоценимое значение в переживаемый нами период, когда жажда обогащения, мещанство, косность приобретают тотальный характер, умаляя общечеловеческие ценности. Авантюризм, делячество все больше захватывают русскую душу. Слово «патриот» встречается в штыхы. Страшно подумать, что стало бы теперь с русской девушкой, во всеуслышание заявившей, что ей стыдно за брата или друга, отказывающегося от службы в армии, и потому решившей организовать женский батальон под белым знаменем «За веру и Отечество». Не ждет ли ее, как Марию Бочкареву, судьба изгнанницы? Но все же, простите за банальность, давайте помнить, что мы — русские! А в России во все века ратная служба и ратный подвиг всегда считались делом совести и чести и были высокопочитаемы.

Уважаемый читатель, Вам повезло — Вы держите в руках книгу откровений страстной патриотки, отдавшей свое сердце России. Мария Бочкарева — ее частица! Это не песок в исторических часах минувшего, а родниковая вода, впадающая в бурную реку истории нашей Родины. Нет в ней ни начала ни конца...

Сергей Дроков

Введение

В начале лета 1917 года весь мир был потрясен известием из Петрограда о том, что некая Мария Бочкарева формирует из женщин боевую часть под наименованием Батальон смерти. Это сообщение открыло прежде никому не известной русской крестьянке путь к всемирной известности.

Простолюдинка из далекой российской провинции, Мария Бочкарева неожиданно оказалась в центре внимания современной прессы. С ней искали встречи иностранные корреспонденты, ее преследовали фотографы, выдающиеся люди спешили засвидетельствовать ей почтение. И каждый по-своему пытался рассказать об этой удивительной личности. В результате возник поток дезинформации и кривотолков.

Из всех многочисленных публикаций о Бочкаревой и интервью, взятых у нее и попавшихся мне на глаза, вряд ли найдется хоть один материал, не содержащий ложных или ошибочных заявлений. Это отчасти объясняется тем достойным сожаления фактом, что иностранные журналисты, знакомившие мир с русскими людьми и событиями в России в памятном 1917 году, за редким исключением, не знали русского языка, но отчасти также и тем, что сама Бочкарева не желала доверяться всякому предприимчивому чужестранцу — искателю приключений. И все же она мечтала о том, чтобы когда-нибудь ее жизнь была описана в книге.

Мечта Марии Бочкаревой нашла воплощение в данном произведении, по своему характеру весьма напоминающем исповедь. Находясь в Соединенных

Штатах летом 1918 года, Бочкарева решила подготовить автобиографию. Если бы она была достаточно образованной и могла легко излагать мысли на бумаге, то, вероятно, написала бы историю своей жизни по-русски, а затем позволила бы перевести ее на английский язык. Но, будучи малограмотной, она сочла необходимым воспользоваться услугами литератора, владеющего ее родным языком, единственным, который она знала. Процедура написания книги сводилась к следующему: Бочкарева рассказывала мне по-русски свою историю, а я записывал ее уже по-английски, стараясь сделать запись дословной. Нередко я прерывал рассказ вопросом с целью оживить в ее памяти какие-то забытые эпизоды и переживания. А между тем один из природных талантов Бочкаревой — блестящая память. Ей потребовалось почти 100 часов в течение трех недель, чтобы пересказать мне во всех деталях романтическую историю своей жизни.

В ходе нашей первой встречи Бочкарева дала ясно понять, что все, о чем она собирается мне поведать, серьезно отличается от баек, сочиненных про нее в прессе. Ей хотелось рассказать о самом сокровенном и впервые открыть для всех тайные страницы своего прошлого. Она это сделала и тем самым полностью развеяла несколько расхожих выдумок о себе. Вероятно, одной из главных среди них было сообщение о том, будто Бочкарева пошла в армию солдатом и участвовала в Первой мировой войне, чтобы отомстить за убитого мужа. Собственная ли это ее выдумка или изобретение какого-то борзописца-корреспондента — трудно сказать. Но так или иначе, это был вполне подходящий ответ-отговорка на извечный вопрос докучливых журналистов о том, каким образом и почему она стала солдатом. Не умея объяснить миру с его условностями и стереотипами причин того страстного порыва, который фактически определил ее необычную судьбу, она использовала эту отговорку до тех пор, пока не появилась возможность записать всю историю ее наполненной отвагой жизни.

Эта книга позволит также преодолеть основанное

на непонимании недоверие к Бочкаревой со стороны радикалов. Когда она приехала в Соединенные Штаты, экстремисты тут же заклемили ее как контрреволюционерку, монархистку и злобную интриганку. Допущена величайшая несправедливость по отношению к ней. Она несведуща в политике, презирает интриги и духовно стоит выше всякой партийной борьбы. Ее миссией в жизни было освобождение России от германского ярма.

Поставленный фактически в положение исповедника, я получил привилегию познать душу этой необычной крестьянки — привилегию, которую всегда буду считать бесценной. Она не только рассказала мне о своей удивительной жизни во всех подробностях, какие только могла воспроизвести ее память, но и открыла свои сердечные тайны. Такими откровениями она не устаивала даже своих друзей. Испытывая в самом начале нашей совместной работы некоторое предубеждение к собеседнице, я вскоре был покорен широтой ее души.

В чем величие Бочкаревой? Г-жа Эмелин Панкхерст называла ее величайшей женщиной века. «Женщиной, спасшей Францию, была крестьянская девушка Жанна д'Арк, — писал один из корреспондентов в июле 1917 года. — Мария Бочкарева — ее современный аналог». В самом деле, с эпохи Орлеанской девы и до наших дней мы не найдем в анналах истории среди женщин личности, равнозначной Бочкаревой. Подобно Жанне д'Арк, эта русская крестьянка посвятила свою жизнь защите Отечества. И хотя дело Бочкаревой не имело успеха (правда, с этим еще неясно, ибо вряд ли кто отважится предсказать судьбу России), это не снижает величия ее подвига. Успех в наш материалистический век не всегда может служить мериллом истинной гениальности.

Как и Жанна д'Арк, Бочкарева олицетворяет свою страну. Может ли быть более яркий символ Франции, чем образ Жанны д'Арк? Столь же удивительно Мария Бочкарева со всеми ее добродетелями и пороками символизирует крестьянскую Россию. Выучившаяся

лишь настолько, чтобы с трудом нацарапать свое имя, она тем не менее наделена логикой гения. Ее ясный природный ум позволяет ей при полном незнании истории и литературы свободно говорить о самых главных жизненных проблемах и истинах. Верящая в Бога со всей страстностью своей простой души, она в то же время обладает терпимостью философа. Преданная стране всем своим существом, она лишена пылких политических пристрастий и эгоистического патриотизма. Преисполненная благородства и доброты, она способна и на бешеные вспышки гнева, и на жестокие посяпки. Наивная и доверчивая, как дитя, она легко возбуждается в конфликтных ситуациях. Как воин она отличается безумной отвагой, отчаянной храбростью и страстным, подчас необычайно трогательным жизнелюбием. Одним словом, Бочкарева воплощает в себе все те парадоксальные особенности русской натуры, которые делают Россию загадкой для всего мира. Свидетельство тому можно найти почти на каждой странице книги. Снимите с России налет западной цивилизации, и вы увидите, что Мария Бочкарева является ее олицетворением. Познакомьтесь с Бочкаревой, и вы познаете Россию — этот только что рожденный в муках, непобедимый, упорно борющийся колосс, поднимающийся во всю свою мощь и ширь.

Вполне понятно, что мотивы, приведшие к созданию этой книги, носили сугубо личный характер. В своей основе моя работа в чистейшем виде человеческий документ, запись событий необычайно бурной жизни. Для Бочкаревой и меня, как автора, главным в повествовании было точное воспроизведение фактов. И поистине эта запись оказалась ценной не только как мемуарное произведение, запечатлевшее историю жизни незаурядной личности, но и как летопись, в которой нашли отражение определенные этапы важного периода в истории человечества, — не только как биографический, но и как исторический документ. Поскольку Бочкаревой всегда была чужда какая-либо политическая при-

верженность и сейчас она продолжает придерживаться этой позиции, поскольку она не претендует на оценку людей и событий, ее откровения приобретают особое значение. Читатель получит также представление о Керенском и его деятельности, которое целиком перечеркивает все сказанное до сих пор об этом трагическом, но очень типичном порождении российской интеллигенции. Корнилов, Родзянко, Ленин, Троцкий и другие знаменитые деятели российской революции предстают на страницах этой книги как живые.

Насколько мне известно, пока еще не издано ни одной книги, рассказывающей о том, как русская армия на фронте реагировала на революцию. Каковы были умонастроения русских солдат в окопах, ставшие в конечном счете решающим фактором в последующем развитии событий в первые месяцы 1917 года? История России, освобождающейся от оков, не будет полной без ответа на этот важный вопрос. Данная книга — первая попытка выявить моральное состояние многочисленной русской армии на фронте и показать ее реакцию на революционные события в России и возникшие в связи с этим грандиозные проблемы. Особую значимость эта книга имеет потому, что в ней выражены мысли и настроения рядового солдата-ветерана из крестьян.

Вероятно, наибольший интерес для нас в книге представляет ужасающая картина — большевизм в действии. Против теоретических посылок большевиков о создании государства социальной справедливости на земле Бочкарева ничего не имеет. Она сказала об этом в беседе лично Ленину и Троцкому. Но вот она на своем горьком опыте познала практику большевизма — ее леденящий душу рассказ о власти толпы навсегда останется в памяти читателя.

Бочкарева уехала из Соединенных Штатов в конце июля 1918 года, добившись встречи с президентом Вильсоном. Отсюда она направилась в Англию и далее — в Архангельск, куда прибыла в начале сентября. Согласно газетным сообщениям, она подгото-

вила следующее воззвание для распространения в сельских общинах и церковных приходах:

«Я, русская крестьянка и солдат Мария Леонтьевна Бочкарева, по просьбе солдат и крестьян поехала в Америку и Англию, чтобы просить у них военной помощи для России.

Союзники понимают наши беды, и теперь я вернулась сюда с союзными войсками, которые пришли только для того, чтобы помочь изгнать нашего общего смертельного врага — германца, но не вмешиваться в наши внутренние дела. Когда война закончится, войска союзников оставят русскую землю.

Я со своей стороны призываю всех верных и свободных сыновей России, независимо от партийной принадлежности, сплотиться воедино и действовать совместно с вооруженными силами союзников, которые под российским флагом идут освобождать Россию от германского ярма и хотят всеми средствами помочь новой, свободной российской армии разгромить врага.

Солдаты и крестьяне! Помните, что только полное и окончательное изгнание немцев с нашей земли даст России ту свободу, к которой вы стремитесь».

*Исаак Дон Левин
Нью-Йорк
Ноябрь 1918 года.*

Часть первая

ЮНОСТЬ

Глава первая

С малых лет в труде

Мой отец Леонтий Семенович Фролков родился в семье крепостного крестьянина в деревне Никольское Новгородской губернии, в трехстах верстах к северу от Москвы. Ему было пятнадцать, когда Александр II освободил крестьян в 1861 году, и он отчетливо помнит это историческое событие, восхищаясь им даже теперь всякий раз, когда рассказывает о времени своего детства. Призванный в армию в начале семидесятых, он участвовал в русско-турецкой войне 1877 — 1878 годов и, проявив храбрость, был удостоен нескольких медалей. В солдатах он научился читать и писать, а потому был произведен в унтер-офицеры.

Возвращаясь домой после окончания войны, он проходил рыбацким поселком Чаронда, расположенным на берегу озера в Кирилловском уезде, что в сорока верстах от Никольского. Уже не простой мужик по обличью, с военной выправкой и позвякивавшими в кармане монетами, он произвел впечатление на жителей бедной Чаронды. Там он встретил мою мать Ольгу, старшую дочь Елизара Назарева, вероятно самого незадачливого жителя этого поселка.

Елизар с женой и тремя дочерьми жил в ветхой лачуге на песчаном берегу озера. Он был

так беден, что не мог позволить себе купить лошадь, чтобы отвозить свой улов в город, и вынужден был продавать его заезжему скупщику по цене гораздо ниже рыночной. Вырученных таким образом денег не хватало даже на то, чтобы прокормиться.

Хлеб в этой маленькой хижине всегда был роскошью. Земля же вокруг была непахотной. Жена Елизара нанималась к более зажиточным крестьянам в ближайшей округе на тяжелую работу от зари до зари за десять копеек в день. Но даже этот дополнительный заработок не всегда удавалось добыть. Тогда Ольгу посылали просить подаяние в соседних деревнях.

Однажды, когда ей было не больше десяти лет, маленькая Ольга попала в страшную беду, о которой она впоследствии не могла вспоминать без ужаса. Возвращаясь домой с корзиной, полной кусков хлеба, выпрошенных в нескольких деревнях, уставшая, но счастливая от успешно выполненного поручения, она шла так быстро, как только могла. Дорога вела через лес. Внезапно она услышала вой целой стаи волков. Сердце у Ольги замерло. Ужасающие завывания раздавались все ближе. От сильного испуга она потеряла сознание и упала на землю.

Когда пришла в себя, вокруг никого не было. Волки, по-видимому, понюхали ее бесчувственное тело и ушли. Хлеб и корзинка были разбросаны по сторонам, втоптаны в грязь. Задышавшись и оставив в лесу свою драгоценную ношу, она прибежала домой.

Вот в таких условиях и жила моя мать, пока ей не исполнилось девятнадцать лет, когда она привлекла к себе внимание Леонтия Фролкова, задержавшегося в Чаронде по пути домой с

войны. Он даже купил ей в подарок пару ботиночек. Это были первые в ее жизни ботинки, и, конечно, он окончательно покорила этим сердце скромной и робкой Ольги. Она с радостью согласилась выйти за него замуж.

После свадьбы молодая чета переехала в Никольское, родную деревню отца, где ему досталась в наследство небольшая полоска земли. Они обрабатывали ее вместе и с большим трудом сводили концы с концами. Там родились две мои старшие сестры, Арина и Шура, прибавив нищеты моим родителям. К этому времени отец стал пить и начал дурно обращаться с женой, избивая ее. По натуре он был угрюмым и себялюбивым. Нужда же сделала его теперь еще и жестоким. Жизнь матери с ним стала просто несчастьем. Она потоянно была в слезах, всегда просила пощады и обращалась с молитвами к Богу.

Я родилась в июле 1889 года третьей дочерью в семье. В ту пору по всей стране строилось много железных дорог. Когда мне исполнился год, отец, чья воинская часть располагалась некогда у Царского Села, решил уехать в Петроград поискать работу. Мы остались совсем без денег. Писем от отца не было. Находясь на грани голодной смерти, мать каким-то образом сумела с помощью добрых соседей сохранить жизнь себе и своим детям.

Когда мне было около шести, от отца пришло письмо, первое написанное им за пять лет отсутствия. Он сломал правую ногу, но обещал приехать домой, как только сможет двигаться. Мать горько плакала, услышав эту новость, но обрадовалась вести от отца, которого уже считала погибшим. Несмотря на жестокое обращение

мужа, она все еще его любила. Я помню, как мать была счастлива, когда отец приехал, но это счастье продолжалось недолго. Нищета и невзгоды одолели нас. Характер у отца стал еще более жестоким. Не прошло и года, как в семье появился четвертый ребенок — еще одна девочка. А в доме не было хлеба.

Со всей нашей округи крестьяне тогда переселялись в Сибирь, где правительство давало им бесплатно большие наделы земли. Мой отец тоже говорил об отъезде, но мать была против. Однако, когда наш сосед Веревкин, уехавший незадолго до того в Сибирь, прислал письмо, в котором в ярких красках описал новые места, отец принял решение ехать.

Многие мужики уезжали в одиночку. Они получали там наделы, обрабатывали их, строились и только потом возвращались за своими семьями. Те же, у кого хватало денег, чтобы преодолеть трудности, сразу брали семьи с собой. Но мы были настолько бедны, что к тому времени, когда добрались до Челябинска, резиденции правительственной комиссии, распределявшей земли, у нас не осталось ни копейки. На каждой станции, пока мы ехали, отец добывал немного кипятку, а мои старшие сестры отправлялись просить хлеба.

Нас распределили в Кусково, село в ста верстах за Томском. На каждой станции мои сестры просили еду, а отец наполнял наш чайник кипятком. Так мы добрались наконец до Томска. Наш земельный надел находился в центре тайги, посреди девственного сибирского леса. Нечего было и думать о том, чтобы сразу там поселиться, поэтому отец остановился в Томске, отослав нас всех в Кусково. Мои сестры начали работать

за харчи и одежду. Мать, еще сильная и крепкая женщина, пекла хлеб, платя этим за жилье, а я нянчилась с младенцем.

Однажды мать ожидала каких-то гостей. Она испекла пироги и купила полбутылки водки, которую поставила на полку. Пока она работала, я пыталась укачать ребенка. Но малышка непрерывно плакала. Я не знала, как ее успокоить. И тут мой взгляд упал на бутылку с водкой.

«Наверное, это поможет», — подумала я и решила дать ребенку стопку водки.

Но прежде чем сделать это, я попробовала выпить сама. Рот обожгло, но почему-то захотелось еще. Я выпила стопку, и ожога больше не ощущалось. Выпила вторую. И таким манером расправилась со всей бутылкой. Совсем ослабевшая и полусонная, я взяла малышку на руки и попыталась ее убаюкать. Но зашаталась и свалилась на пол вместе с ребенком.

Мать прибежала и нашла нас там орущими во все горло. Тут явились гости, и мама хватилась бутылки. Виновного долго искать не пришлось. Я никогда не забуду трепки, которую мне задали по этому случаю.

К зиме из Томска приехал отец. Он привез немного денег. Зима была суровой, и в округе свирепствовали болезни. Мы все заболели по очереди — сначала отец, потом мать, за ними и все девчонки. Так как в доме не было ни крошки хлеба и денег, чтобы что-то купить, о нас стала заботиться община и до весны кормила и помогала нам. Чудом избежали мы смерти, но наша одежда превратилась в лохмотья, а обувь совсем развалилась. И родители решили переехать в Томск, куда мы и прибыли однажды, босые и вконец оборвавшиеся. С трудом отыскали себе

пристанище в какой-то убогой ночлежке на окраине города.

Отец был ленив и работал лишь два дня в неделю. Остальное время проводил в безделье и пьянстве. Сестры работали няньками, мать трудилась в пекарне, забрав туда с собой меня и малышку. Спали мы с ней на сеновале конюшни, прислушиваясь к тому, как лошади внизу бьют копытами. Нашей постелью была охапка сена, брошенная на настил из неструганых досок, положенных поперек бревен. Вскоре жена булочника стала возражать против лишнего рта, то есть против меня. В ту пору мне было чуть больше восьми лет.

— Почему ты не пошлешь ее работать? Она уже должна зарабатывать себе на хлеб, — заявляла хозяйка.

Мать прижимала меня к груди, плакала и умоляла сжалиться над нами. Но хозяйка становилась все настойчивее, грозясь выкинуть нас на улицу.

Наконец однажды отец пришел навестить нас и принес хорошую весть: он нашел для меня работу. Я должна была смотреть за пятилетним мальчиком за харчи и восемьдесят пять копеек в месяц.

— Если будешь стараться, — напутствовал отец, — то скоро станешь получать и рубль.

Так началась моя жизненная карьера. Мне исполнилось восемь с половиной лет, и я была очень худенькая. Никогда раньше не отрывалась я от мамкиного подола, и поэтому обе мы горько плакали при расставании. Мрачным, тягостным и непонятным был тот мир, куда вел меня отец. От потоков пролитых слез остались лишь смутные воспоминания о том времени моей жизни.

Несколько дней мне пришлось присматривать

за маленьким мальчиком. Однажды после обеда, забавляя его смешными фигурами, нарисованными мною на песке, я настолько увлеклась игрой, что стала спорить со своим подопечным, и закончилось это дракой. Помню острое ощущение своей правоты. Но мать мальчишки не пожелала разобраться. Она услышала его вопли и отхлестала меня.

Я была глубоко оскорблена незаслуженной трепкой, полученной от незнакомой женщины.

— Где моя мама? Почему она не придет отомстить за меня? — рыдала я.

Но она не откликнулась на мои причитания. И никто не отозвался. Я чувствовала себя несчастной. Каким же злым был этот мир, каким несправедливым! Просто жить не хотелось.

Мои ноги были босы. Платье все в лохмотьях. И казалось, никому до меня нет дела. Я была совсем одинока, без друзей и подруг, и никто не знал об острой тоске, раздиравшей мое сердце. Утоплюсь, подумала я. Да, побегу к реке и утоплюсь. А потом полечу, не чувствуя никакой боли, прямо к Господу.

Я решила ускользнуть из дома при первой же возможности и прыгнуть в реку, но, прежде чем представился такой случай, меня навестил отец. Он застал меня всю в слезах.

— Что случилось, Манька? — спросил он.

— Хочу утопиться, папа, — ответила я горестно.

— Боже милосердный! Да что стряслось-то, глупая ты девчонка?

Тут я все ему выложила начистоту и стала просить отвести меня к матери. Он приласкал меня, но сказал, что мать расстроится, если я брошу эту работу. Он пообещал купить мне пару туфель, и я осталась.

Но пробыла я там недолго. Мальчонка, увидев, как его мать меня наказала, стал этим пользоваться и сделал мою жизнь вовсе невыносимой. В конце концов я убежала от них и целый день до темноты бродила по городу, разыскивая свою мать. Было уже совсем поздно, когда меня всю в слезах подобрал на улице полицейский и отвел в участок. Дежурный по околотку взял меня к себе домой на ночевку.

Дом у него был довольно большой. Я в таком раньше никогда не бывала. Когда я утром проснулась, мне показалось, что в этом доме уж слишком много дверей. Захотелось узнать, что находится за ними. Открыв одну из дверей, я увидела того самого полицейского. Он спал на кровати, а рядом с ним лежал пистолет. Я хотела быстро уйти, но он пробудился, схватил пистолет и спросонья стал угрожать им мне. Испугавшись, я выбежала из комнаты.

Между тем отцу сообщили о моем побеге, и он пошел в полицейский участок, чтобы разыскать меня. Его направили в дом того самого полицейского. Там он и нашел меня плачущей на крыльце и отвел к маме.

Вскоре мои родители решили обзавестись своим жильем. Весь их капитал составлял не более шести рублей. Они сняли за три рубля в месяц помещение в подвале одного дома. На два рубля отец приобрел кое-какую подержанную мебель — колченогий стол, лавки — и кое-что из кухонной утвари. На несколько копеек, оставшихся от последнего рубля в кошельке, мама приготовила нам какую-то еду. А меня послали купить на копейку соли.

Бакалейной лавкой на нашей улице владела еврейка Настасья Леонтьевна Фуксман. Она ог-

лядела меня внимательно, когда я вошла в лавку, поняла, что я чужая в этом околотке, и спросила:

— Ты чья?

— Я дочь Фролковых. Мы только что поселились в подвале соседнего дома.

— Мне нужна девочка помогать по дому. Хочешь у меня работать? — спросила она. — Я положу тебе рубль в месяц и стол.

Я была вне себя от радости и стремглав бросилась домой, так что прибежала к матери, совсем запыхавшись. Я рассказала ей о предложении, которое мне сделала бакалейщица.

— Только, — замялась я, — она ведь еврейка.

Я слышала так много разного про евреев, что боялась жить под одной крышей с еврейкой. Мать успокоила мои страхи на этот счет и отправилась в бакалею побеседовать с хозяйкой. Вернулась она довольная, и таким образом я попала в услужение к Настасье Леонтьевне.

Легкой эта жизнь не была. Я научилась обслуживать покупателей, бегать куда пошлют, делать все по дому — от варки и шитья до мытья полов. Весь день я работала до изнеможения, а ночью спала на старом сундуке в коридоре между бакалейной лавкой и квартирой. Мое месячное жалованье целиком шло матери, но этих денег никогда не хватало, чтобы отогнать от нашего дома призрак голодной смерти. Отец зарабатывал мало, а пил много и становился все более жестоким.

Со временем жалованье мое увеличилось до двух рублей в месяц. Но я росла, и мне требовалось больше одежды, которую мать покупала на заработанные мною деньги. Настасья Леонтьевна была требовательной хозяйкой и нередко наказывала меня. Но она и любила меня как дочь и всегда стремилась помириться со мной

после серьезных взбучек. Я ей многим обязана, поскольку она научила меня почти всему, что положено знать в торговле и в работе по дому.

Мне было, вероятно, около одиннадцати лет, когда я в припадке злости поссорилась с Настасьей Леонтьевной. Ее брат часто посещал театр и постоянно говорил о нем. Я не совсем понимала, что это такое, но мне было любопытно, и однажды вечером я задумала поглядеть на этот дом чудес. Я попросила у Настасьи Леонтьевны денег, чтобы пойти туда. Она ответила отказом.

— Ах ты маленькая мужичка! Да что тебе до этого театра? — спросила она насмешливо.

— А ты ср... жидовка! — отрывисто бросила я ей в лицо и выбежала из лавки.

Я пошла к маме и рассказала ей о происшедшем. Она была в ужасе.

— Да ведь теперь тебя не возьмут назад. Что же мы тогда будем делать без твоего жалованья, Маруся? Как будем платить за квартиру? Придется опять просить милостыню, — плача, причитала она.

Но через некоторое время моя хозяйка пришла за мной и выбрала меня за мою горячность.

— Откуда мне было знать, что тебе так хочется пойти в театр? — спрашивала она. — Ну ладно. Я буду давать тебе пятнадцать копеек каждое воскресенье. Можешь туда ходить.

И по воскресным дням я стала завсегдаем галерки, с огромным интересом следила за игрой актеров, за их необычными жестами и за тем, как они говорят.

Пять лет я работала у Настасьи Леонтьевны, взваливая на себя с годами все больше дел. Рано поутру я вставала, открывала ставни, месила тесто и мела или скребла полы. В конце концов этот

однообразный тяжелый труд стал мне надоедать, и я начала подумывать о том, чтобы найти другую работу. Но мать была больна, отец работал все меньше и меньше и почти все время пил. Он сделался еще более жестоким, колотил нас всех беспощадно. Старшие сестры вынуждены были уйти из дома. Шура вышла замуж шестнадцати лет, и я, четырнадцатилетняя девчонка, осталась главной опорой семьи. Часто появлялась необходимость брать жалованье вперед, чтобы избавить семью от голода.

Однажды у меня внезапно появилось искушение совершить кражу. До этого я никогда ничего чужого не брала, и Настасья Леонтьевна то и дело отмечала это мое достоинство в разговоре со своими друзьями.

— Эта мужичка никогда не крадет, — говорила она.

Но вот как-то, распаковывая коробку с сахаром, доставленную в лавку, я обнаружила в ней семь головок сахара вместо положенных шести. Желание взять лишнюю головку сахара было непреодолимым. Ночью я потихоньку стащила ее из лавки и отнесла домой. Отец обомлел.

— Ты что натворила, Маруся? Сейчас же отнеси обратно! — приказал он.

Я начала плакать и сказала, что сахар на самом деле не из лавки Настасьи Леонтьевны, что это ошиблись на сахарном заводе. Тогда отец разрешил оставить головку дома.

Я вернулась в лавку и легла спать. Но заснуть никак не могла: мучила совесть. «А если она догадается, что одной головки не достает? — думала я. — Если узнает, кто украл?»

И меня охватило чувство стыда. На следующий день я уже не могла смотреть прямо в глаза

Настасье Леонтьевне. Чувствовала себя виноватой. Лицо горело. При каждом ее движении или жесте сердце у меня сжималось в предчувствии страшного разоблачения. Наконец она заметила, что со мною творится неладное.

— Что с тобой, Маруся? — спросила она, притянув меня к себе. — Тебе нездоровится, что ли?

Это было еще мучительней. Совершенный грех становился все тяжелее и тяжелее. И вскоре стал невыносимым. Совесть никак не успокаивалась. По прошествии нескольких беспокойных дней и бессонных ночей я решила сознаться. Войдя в спальню Настасьи Леонтьевны, когда та спала, я опустилась на колени и разрыдалась. Она проснулась в тревоге:

— Что случилось, детка? Что с тобой?

Плача, я выложила ей всю историю совершенной кражи, прося прощения и обещая никогда больше не воровать. Настасья Леонтьевна успокоила меня и отправила спать. Но моим родителям она простить не смогла. На следующее утро она пришла к нам домой и отчитала моего отца за то, что он не возвратил сахар сразу и не наказал меня. Унижение и стыд, в которые были повергнуты мои родители, не знали границ.

По воскресеньям я была дома, помогая матери по хозяйству. Ходила по воду к колодцу, который находился довольно далеко. Мать целыми днями пекла хлеб, а отец относил его на базар, продавая по десяти копеек за булку. Нрав его становился все более жестоким, и я уже привыкла, приходя домой, видеть мать во дворе всю в слезах, когда отец возвращался в пьяном виде.

Мне исполнилось пятнадцать, и я начала

тяготиться своей участью. Во мне зарождались жизненные силы, пробуждавшие мое воображение. Все, что происходило за пределами того ограниченного мирка, в котором я жила и трудилась, звало меня, манило, завлекало. Впечатления о другом мире, которые я получила в театре, оставили глубокий след в моей душе и порождали волнующие чувства. Мне хотелось красиво одеваться, ходить на гулянки, наслаждаться удовольствиями жизни. Хотелось учиться, иметь деньги, чтобы навсегда избавить родителей от нищеты и голода. Хотелось хотя бы денек пожить беспечной жизнью, а не вставать с солнцем, чтобы скрести полы или стирать одежду.

Ах, чего я только не отдала бы за то, чтобы испробовать все улады, все радости жизни! Но, казалось, мне они были заказаны. Все дни напролет я батрачила в маленькой лавке и на кухне. И никогда не имела лишнего рубля. В моей душе назревал протест против этого унылого, бесцельного и беспросветного существования.

Глава вторая

Замужем в пятнадцать лет

Началась русско-японская война. А вместе с ней Сибирь, от Томска до Маньчжурии, забурлила новой жизнью. Она всколыхнула и нашу улицу, до тех пор безжизненную и ничем не привлекательную. Напротив бакалейной